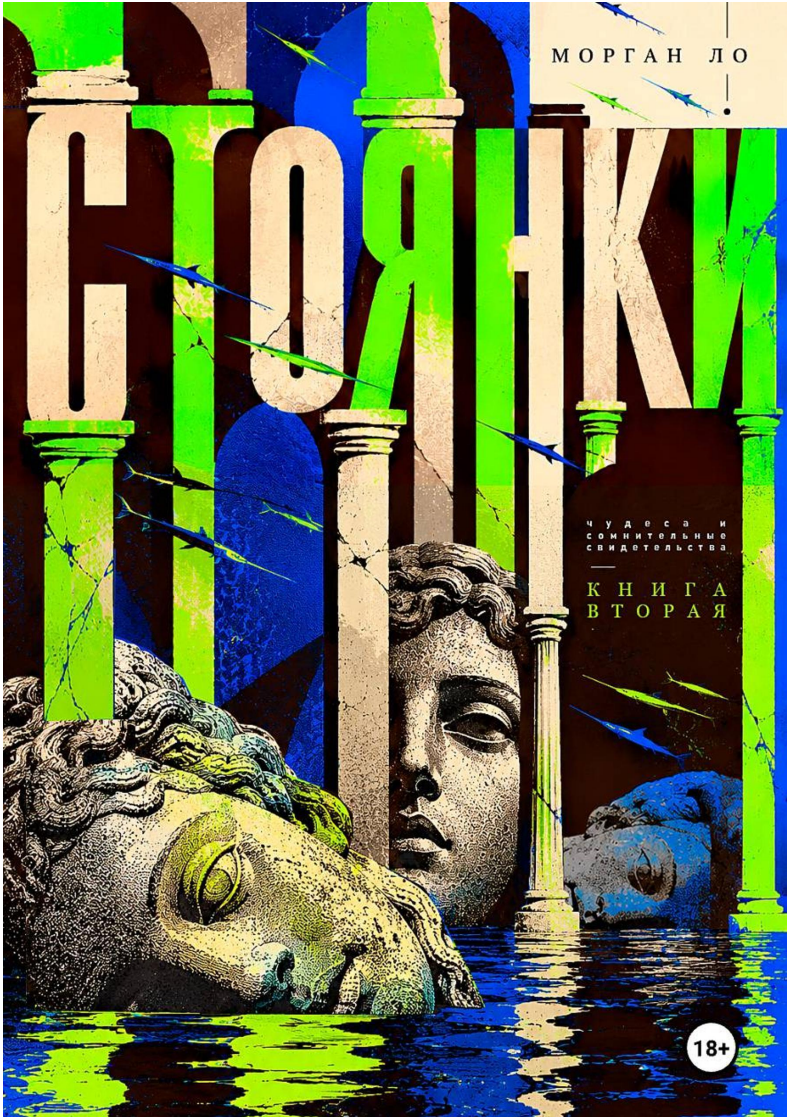

МОРГАН ЛО
СТОЯНКИ
чудеса и сомнительные свидетельства
КНИГА ВТОРАЯ
18+

Морган Ло

Стоянки: чудеса и сомнительные свидетельства. Книга вторая

Серия «Стоянки: чудеса и сомнительные свидетельства», книга 2

https://litres.ru/74726617
SelfPub; 2026

Аннотация

Пятнадцать самостоятельных историй о несостоявшихся материках, корабле с дырой вместо имени, затопленных залах с каменными головами и морях, где рыбы стоят вертикально.

Собиратель путешествует от порта к порту, слушая рассказы моряков, убийц, художников и безумцев, чтобы вшить их в одну тетрадь. Но с каждой новой записью всё труднее понять, кто здесь подозрительнее: рассказчики или тот, кто документирует их слова.

Тёмное морское фэнтези. Второй сборник цикла «Стоянки». Каждая история сопровождается отдельной иллюстрацией.

Содержание

. . . 4
Пролив Отчаянных 5
Солёный Довод 10
Тюлений Лежак 15
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Морган Ло
Стоянки: чудеса и сомнительные свидетельства. Книга вторая

. . .

Заметил на полке узкую щель между альбомом с коллекцией игральных карт и ящиком с насекомыми. Только недавно привёл собрание в порядок, а теперь не могу на него смотреть. Ни один из оставшихся предметов туда не влезает.

Решил собрать под размер ещё одну тетрадь своих записей. Отобрал семнадцать. Переплёл, примерил — не вошло. Пришлось распустить шов и отложить две. Несколько раз подгонял корешок, прежде чем удалось добиться нужной толщины.

Теперь стоит превосходно. Ни малейшего зазора.

Осталось найти место для двух отложенных.

Пролив Отчаянных

Вот Пролив Отчаянных. Ты думаешь, его так по тем безумцам зовут? Те, которые нынче идут в Предел Морской Тоски? Да хер рыбий его в их честь зовут! Пропади они пропадом, шваль плавучая. Поналезло в наши воды отребья со всех широт. Прутся в эту выгребную яму — Меланхолию, чтоб ей век не всплыть. Парашу эту для богатых, которые уже не знают, чем себя развлечь, пока не сдохнут.

Им бы, паскудам, к рифам на корм, а они через наш Пролив идут, да ещё носами крутят. Думают, раз у них тоска в брюхе завелась, так они герои. Да какой там герои — камбузная вошь.

Пролив и без них, задолго до них, своё имя получил. Оно эти воды кроет, ещё когда аххетту-нелюди по нашим краям не шастали. Ни их, ни ихнего порядка не было, а воды были ничьи. А ничьи — значит общие. Значит всех.

Вот тогда флотилия тут стояла!

Вот она имя-то и выгрызла. В пороховой вони, от которой у живых глаза вытекали. В реках крови, такой, что акулы от нас годами не уходили и жрали, пока брюхо не лопалось. В лязге стали, от которого люди глохли раньше, чем падали.

Вот тебе настоящие отчаянные. Те, что зубами реи перегрызали и с пулей в боку абордаж орали, и те, кто против них смел стоять. Их кровь тут мешалась, как ром с порохом, и

этой смесью Пролив себе имя прописал, пока оно не въелось в сами скалы. Вот тебе золотой век вольницы.

А потом пришла Могин со своими узкими длинными кораблями. Прошивали воду и корпуса насквозь. Били тихо и без предупреждения, вскрывали корабельное брюхо от киля до клюза.

Барракуды, не корабли.

Слаженные, как пальцы на одной руке. И с ними — главный ужас честного человека: аххетту-нелюди на палубах. А этим тварям, сам знаешь, легче кишки выпустить, чем на место уложить. А убить-то и некому. Мага у нас не было.

Так вот: кого купила Могин, кого на рее вздёрнула, кому кандалы на щиколотки — и в каменоломни. Вот и кончилась вольница.

Да что осталось-то? Пролив тот же, скалы те же, рыба, весло ей в глаз, та же. А люди? Люди другие. Вот раньше были отчаянные — смелые да дерзкие. А теперь что? Нынешним только якорь в задницу, а не попутного ветра.

Могин, нелюдь, и сейчас ведь там, в Меланхолии своей сидит, заправляет. Развела там вина рекой, баб, мужиков. Пляски до кровавых мозолей. Тряпки, картины, музыка. Аж театры понастроили, нелюди!

Потому и настоящие Отчаянные не возродились. Они и не возродятся, пока она там.

. . .

Записано на острове Косой Зуб со слов Тарвы Кандаль-

ного, человека с Пролива.

Знаю я одного «отчаянного» в том самом значении. Вот бы посмотрел, как этот Кандальный обделал бы свои портки, встреть его в море.

Впрочем, этот Отчаянный и не человек. А так-то, пожалуй, для Тарвы ещё и хуже было.

Солёный Довод

Ты смотри только, слово в слово пиши. Точно, как я скажу. Потому что я видел это своими глазами. Сейчас уже не найдёшь тех, кто видел. Лет, считай… двадцать прошло.

Возвращались мы от Косого Зуба. Бывал в тех водах? Пиратское гнездо. Мы туда зашли двумя кораблями и выжгли всё до ватерлинии.

Бой был — мясорубка. Наши абордажники первыми бросились, как волнорез, — ты запиши это особо, — каждый взмах был чья-то смерть! А там уже палубу залило по щиколотку, они скользили в крови и всё равно лезли, цеплялись за фальшборт, за своих мёртвых.

Мы-то? Потеряли людей, да. Только когда уходили — даже причалы — и те осели углями в отлив.

Легли на курс, значит, потом до дома. Ветер за день до того поменялся. Близко уж было, землёй пахло, очагом. Повеселели все. «Солёный Довод» вперёд вышел. Нам ведь в той рубке руль задели, перо гуляло. Чуть дунет — бриг рыскает. Четверо на штурвале висели. Потому и плелись, как пьянь. Домой шли…

Потом враз темень накрыла. Видел, как сворачивается молоко? Вот и оно так. Серая пелена закрутилась, и от горизонта полезла чернота. Пока трубку раскуривал — совсем затянуло, хоть глаз коли. Только верхушки волн светились

белым, как кости.

Ветер в паруса ударил, мы кинулись убирать. Заметил тогда ещё — на «Доводе» полотнище рвануло. Они снасти топорами бросились рубить, пока мачту не сломало.

А следом пошли валы, что горы. Подхватило нас и несло: то на гребне поднимет, то вниз сбросит. И не было им конца.

Вот тогда я и увидел то, чего никому видеть не следует. Вода пошла вниз, как море делает вдох. Где только что кипела, обнажился камень. Встал из пены, как чудовищная спина, а в глубине — ещё гроты. Расселины, пещеры.

Волна подхватила «Довод», на самый верх взметнула, и, лопни мои глаза, пока топор перехватил, он висел над пустотой!

А потом крениться начал. Медленно. Видел, как его нос переваливается через волну и как она дальше ушла. А раз опоры не стало, так и «Довод» одним рывком утянуло вниз.

Слышишь? На моих глазах обвалился в глубину!

Он там, в тех проломах, ещё и равновесия не обрёл, а тут новая волна ударила — и, как клин в паз, загнала его в щель. Обрушилась сверху. Сомкнулось море. И всё. Не было обломков. Не было тел. Ни единой щепы. Был «Солёный Довод». А потом одна только пена на чёрной воде, и ту в момент разметало.

Не помню, как сами выгребли. Может, риф одиночный был. Может, волна легла иначе. А может, море просто наелось.

Выбрались. Одни остались…

В порт вошли, у нас абордажный старшина первым на берег выскочил. Тот самый, у кого дверь сама открывалась, едва увидев его топор. Спрыгнул на мокрый галечник, прошёл шагов с десяток, да и рухнул на колени. Сгрёб портовую глину и застыл так, с этой глиной в кулаке. А потом поднялся и прочь двинулся. Ни разу больше в море не вышел. Слышал, он стал кем-то на берегу — не знаю, караульщиком, дровосеком. Не важно. Важно, что от воды подальше убрался. Так и не ступил больше на палубу.

С наших-то никто его не осудил. Мы ведь и сами тогда… что ты пишешь? Нечего это писать. Не для письма это.

. . .

Записано на острове Грань Гренви, со слов Игана по прозвищу Струг, старшего плотника брига «Латунный Горизонт».

На полях против этого места у меня стоит вопросительный знак. По зрелом размышлении, ничего лучшего я туда поставить так и не нашёлся. Иган, однако, не производил впечатления человека, желающего произвести впечатление.

Тюлений Лежак

Ох... Слышь, морячок, ты точно за болтовнёй пришёл, а не за тем, чтобы перепихнуться? Перепихнуться дешевле выйдет. Может, ну их, эти россказни? Вот упёртый! Ну учти, переспать — цена твёрдая, а слова я тебе за медяки не дам. Раз приспичило, значит, товар особый. Медяками не отделаешься — готовь кошель!

Есть, в общем, у нас тут неподалёку один остров. Чужаки вроде тебя его Тюлений Лежак зовут, только верное имя — Лежбище Сплетников. Хозяева у него — тюлени. Лежат вот брюхами кверху, один к одному. Жирные такие, гладкие. Знаешь, есть у меня тут один клиент-боцман: как он приходит, я ему сначала всегда задницу гусиным салом навожу — вот такие же гладыши и тюлени там. Только у них ещё ус шевелится, а у боцмана — балун.

Значит, в Монто у нас каждая причальная крыса знает: если идёшь мимо этого острова — болтать ни слова нельзя. Ляпнешь что-нито этой усатой туше, а они, базарщики, разнесут твой секрет от Тысячи Устьев до Пёстрой Чаши быстрее, чем матросы вшей по кубрику! Поэтому мимо Лежбища все корабли в полном молчании идут.

Один юнга с баркаса тоже не верил. Как шли мимо, так он ночью на палубу вылез и местному тюленю шепнул! Перегнулся через борт, выбрал самого толстого да в ухо ему и

шепнул: «У меня-де член до колен!»

Тюлень даже глаз не открыл. Только пузыри пускал. Юнга, Марек, значит, его звали, смехом давится, рот зажимает и ползёт обратно в гамак. Довольный, мол, обделал судьбу, самый умный.

Возвращается наутро, значит, их посудина в порт, а на причале уже толпа. Да какие жёны! Вся портовая шваль, от пирса до борделя. Орут, визжат, друг дружку локтями отпихивают, платья рвут. И все как одна на того самого Марека-трепача! Шкипер-то, старый кнехт, нюх на дерьмо имеет получше иного пса — первым учуял, куда ветер дует, да и убрался с пирса подобру-поздорову. А за ним и команда вся. А Толстуха Мина ещё как крикнет: «На всю гавань трезвонил, так пусть вся гавань и посмотрит! Ну-ка вываливай, что там у тебя промеж ног болтается!»

Марек аж присел. Думал, может, перепутали с кем. А к нему уже руки тянутся — десять, двадцать, не сосчитать! Каждая хочет утащить к себе. Дерутся, едва порты с него не стащили прямо на причале. Он уж назад на барку хотел сигануть, да куда там — девки всей оравой навалились, чуть в воду не столкнули и волокут уже в таверну, а там и ещё очередь…

Вот тогда до него дошло. Рот зажал, да поздно. Пока их баркас до порта шёл, тюлени всё два раза разнести успели. Каждая девка в Монто знала, что к нам плывёт Марек, а у него волына как у битюга. За такое добро любая глотку по-

рвёт.

Девок, значит, Марек хотел: вот и получил — только успевай порты поддерживать, еле ноги унёс. Сулил колбасный окорок — его б даром любили, только успевай. А подсунул тощую ливерную сосиску — так он теперь сам им платит вдвойне, за каждое враньё.

Его теперь иначе как Марек-Длинный и не зовут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.